

Литературный сборникъ

памяти

Г. В. ПЛЕХАНОВА—

РЕВОЛЮЦИОНЕРА

«Дом Плеханова»

№ 90-1418/3сх 16 2268

Рѣчь Д. Рязанова.

Товарищи, я беру слово отъ имени Петроградского союза проф. союзовъ, отъ имени той организаціи, которую въ юльскіе и августовскіе дни, наряду съ буржуазной прессой, никто не обливалъ такой клеветой и такой грязью, какъ тотъ органъ, во главѣ котораго стоялъ Плехановъ. Я имѣлъ возможность уже говорить объ этомъ въ Петроградскомъ совѣтѣ професіональныхъ союзовъ и намъ нечего, поэтому, скрывать той глубокой пропасти, которая пролегла между Плехановымъ и нами съ начала этой империалистской войны и которая не только не закрылась, но еще больше углубилась съ тѣхъ поръ, какъ началась великая русская революція. И все же, несмотря на это, мы не найдемъ среди именъ русской и международной соц.-демократіи такого имени, съ которымъ было бы связано tanto много дорогого русскому и международному рабочему движенію. Товарищ Зиновьевъ вамъ сказалъ, что, по его личному мнѣнію, товар. Плехановъ изъ всей плеяды марксистовъ, выступавшихъ послѣ Маркса и Энгельса, является наиболѣе геніальнymъ,—я сказалъ бы, что Плехановъ былъ самымъ блестищимъ и самымъ талантливымъ. Была пора—это начало 80-хъ годовъ, — когда среди марксистовъ, не исключая и Каутскаго, не было ни одного, который могъ бы дать то, что далъ Плехановъ въ одной изъ своихъ, лучшихъ работъ, въ брошюре «Соціализмъ и политическая борьба». Въ 83-мъ году, какъ бы вы тщательно ни перечитывали произведенія молодыхъ марксистовъ и сочиненія наиболѣе выдающихся представителей теоретического марксизма, даже Лафарга и Каутскаго,—вы не найдете ничего, что по глубинѣ и по самостоятельности мысли, по теоретической выдержанности могло бы выдержать сравненіе съ тѣмъ, что даетъ „Соціализмъ и политическая борьба“ Плеханова. Но дальше оказалось то огромное преимущество, которое даетъ теоретику рабочаго движенія его непосред-

ственная связь съ живыми массами, непосредственная связь съ практическимъ рабочимъ движениемъ. Каутскій какъ разъ съ 83-го года начинаетъ связываться съ этимъ практическимъ рабочимъ движениемъ и, представляя по своей гениальности въ 80-хъ годахъ талантъ несравненно меньшій, чмъ тогдашній Плехановъ, онъ на нашихъ глазахъ съ средины 80-хъ годовъ быстро обгоняетъ Плеханова и занимаетъ на все время послѣдней половины 80-хъ, 90-хъ и 900-го года первое мѣсто среди теоретиковъ марксизма. Эта самая бѣда, это проѣктатіе, которое тяготѣло надъ Плехановымъ и не давало ему возможности пытаться непосредственнымъ контактомъ съ рабочимъ движениемъ, многое намъ объясняетъ въ блестящей зигзагообразной дѣятельности Плеханова. Я самъ принадлежу къ тому поколѣнію русской соціалъ-демократіи,—большинство моихъ товарищѣй, не исключая и Ленина, принадлежитъ къ періоду соц.-демократіи послѣ голодного времени,—къ тому промежуточному поколѣнію, которое на себѣ испытала, что значили мрачные 80-е годы, и я знаю, хотя мнѣ пришлось развиваться въ антагонизмѣ къ Плеханову, я знаю, какъ будили сочиненія Плеханова мысль молодого поколѣнія.

Мнѣ досталось на долю счастье слышать тѣ знаменитыя слова, которыя сегодня неоднократно и вамъ повторяются,—что революціонное движение въ Россіи восторжествуетъ какъ рабочее движение или совсѣмъ не восторжествуетъ. Надо знать, въ какой обстановкѣ были произнесены эти слова, чтобы понять весь смыслъ. Въ 89-мъ году въ Парижѣ собрался послѣ долгаго перерыва первый конгрессъ второго Интернаціонала, собрался послѣ того, какъ одно время казалось, что Интернаціоналъ послѣ 76-го года совсѣмъ рухнулъ и что тѣ сѣмена рабочаго движения, которыя песьяль Маркса въ эпоху первого Интернаціонала, погибли. Конгрессъ 89-го года далъ возможность рабочему классу Европы и всего міра показать, что въ Европѣ народилась и не только народилась, но и организовалась огромная сила, та сила, которой будетъ принадлежать доминирующая роль въ превращеніи капиталистического строя въ соціалистической. На этомъ конгрессѣ Россія впервые была представлена официально двумя представителями,—о третиѣмъ я не буду говорить,—Лавровымъ

и Плехановымъ. Плеханову пришлось говорить послѣ Лаврова. Лавровъ въ своей рѣчи далъ исторію славной борьбы „Народной Воли“, къ тому времени окончательно погибшей, и могъ въ свой заключительной рѣчи указать на одну только надежду—на россійскую интеллигентію, которая все же подниметъ это упавшее знамя и поведеть революціонное движение впередъ. Отвѣтомъ на эту рѣчь явилась рѣчь тогда еще молодого Плеханова; онъ указалъ,—и тутъ сказалось то, что отличаетъ Плеханова,—не отрицая ея, а наоборотъ, подчеркивая,—связь революціонного рабочаго движения со всеми традиціями старого русскаго революціоннаго движенія. Въ своей яркой, ла-пидарной фразѣ онъ хотѣлъ сказать, что то революціонное движение, которое началось декабристами, которое шло черезъ Чернышевскаго, Добролюбова и др. 60, чрезъ движение 70-хъ годовъ, что знамя революціоннаго движенія найдетъ себѣ достойнаго носителя только въ рабочемъ классѣ, что только онъ можетъ обеспечить успѣхъ этому революціонному движению, которое мнѣ, Плеханову, такъ же дорого, какъ и вамъ, Лаврову. Я не могу сказать, чтобы конгрессъ отнесся такъ скептически къ этимъ словамъ, пожалуй могу сказать потому, что немецкое соц.-демократическое движение тогда какъ разъ, въ лицѣ Либкнекта и Бебеля, въ особенности въ лицѣ Либкнекта, стояло уже за группой „Освобожденіе Труда“ и, вмѣстѣ съ Лафаргомъ и Гэдомъ, представителями французскаго марксизма, видѣло въ себѣ и поддерживало зерно будущей русской рабочей соц.-демократической партии. Послѣ конгресса 89-го года Плеханову приходится принимать болѣе интенсивное участіе въ международномъ рабочемъ движении. Конгрессъ 89-го года сблизилъ Плеханова съ международнымъ рабочимъ движениемъ. О роли Плеханова на международномъ конгрессѣ въ Цюрихѣ въ 93-мъ г., о роли Плеханова на международномъ конгрессѣ въ 904 г., во время русско-японской войны, говорилъ т. Зиновьевъ; онъ коснулся и роли, которую игралъ Плехановъ на копенгагенскомъ конгрессѣ. Я не буду поэтому останавливаться подробно на этой его дѣятельности, но и тутъ легко отыскать, что Плеханову приходилось выступать на всѣхъ конгрессахъ, за исключеніемъ конгрессовъ 1907 и 1910 г.г., по вопросамъ

общимъ, по вопросамъ тактическимъ. Никогда Плеханову, даже тогда, когда онъ выступалъ по вопросамъ профессионального движенія, какъ въ 1907 г. или въ 1910, не приходилось опираться на опытъ русского рабочаго движенія—ему приходилось касаться этихъ вопросовъ чисто теоретически.

Я хотѣлъ бы сказать еще нѣсколько словъ и о Плехановѣ, какъ о теоретикѣ русскаго марксизма. Т. Луначарскій подчеркнулъ ту пропасть, которая отдѣляется Плеханова послѣдніхъ годовъ отъ той части русскаго рабочаго движенія, судьбы котораго связаны съ именемъ т. Ленина. Я имѣлъ случай указать въ Петроградскомъ соѣтѣ профес. союзовъ, что будущему историку того, что называется большевизмомъ и что теперь называется коммунизмомъ, легко будетъ отмѣтить и указать, что, несмотря на эту вражду между Плехановымъ и Ленинымъ, Ленинъ и ленинизмъ въ цѣломъ рядѣ типическихъ чертъ носятъ явственные слѣды плехановскаго вліянія.

Тов. Зиновьевъ въ своей статьѣ совершенно вѣрно указалъ, что Ленинъ былъ нѣкогда «влюбленъ» въ Плеханова. Я, никогда не принадлежавшій къ числу этихъ „влюбленныхъ“ и ставшій соціал-демократомъ при другихъ условіяхъ и подъ другими вліяніями, съ самаю начала своей дѣятельности сталъ въ оппозицію къ Плеханову и вынужденъ былъ полемизировать съ Плехановымъ и Ленинымъ, когда они въ области теоріи и практики представляли пару сіамскихъ близнецовыхъ. Но я долженъ подчеркнуть, что и теперь, когда я расхожусь съ группой Ленина по цѣлому ряду вопросовъ, нась все же соединяетъ нахожденіе за одной гранью, вдали отъ той группы, которая сегодня хоронила то, что намъ менѣе всего дорого въ Плехановѣ. Нѣть ничего болѣе отвратительнаго, чѣмъ тотъ лицемѣрный танецъ, который справляютъ надъ могилой Плеханова его новые поклонники, не замѣчающіе или не желающіе замѣтить, что во многихъ сторонахъ большевизма, во всемъ томъ, что имъ такъ не нравится, ищется прямое, непосредственное и очень сильное вліяніе Плеханова.

Я скажу больше: еще въ началѣ двадцатаго столѣтія тов. Ленинъ, правда, сопротивляясь и съ упорствомъ сопротивляясь, подда-

вался вліянію Плеханова. Мѣшъ, быть можетъ, удастся показать въ особой работѣ, что многія особенности ленинизма являются развитіемъ цѣлаго ряда положеній, высказанныхъ Плехановымъ.

Всѣмъ товарищамъ должно быть извѣстно, что Ленинъ настолько былъ „влюбленъ“ въ Плеханова, что предпочиталъ не высказываться по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ считалъ болѣе компетентнымъ своего учителя,—какъ онъ просто выразился въ одной изъ своихъ статей: «Объ этомъ, навѣрное, напишетъ Плехановъ, который наиболѣе компетентенъ въ этой области».

Расхожденіе—и самое глубокое—произошло между Ленинымъ и Плехановымъ только послѣ московскаго восстания. Оно намѣчалось и раньше, но носило болѣе личный, а потому и неожиданный характеръ, какъ и то сближеніе, которое произошло между ними въ эпоху борьбы съ ликвидаторствомъ. Тов. Зиновьевъ напомнилъ о копенгагенскомъ конгресѣ, на которомъ Ленинъ и Плехановъ выступали солидарно во всѣхъ вопросахъ какъ противъ меньшевиковъ, такъ и противъ тов. Троцкаго. Вашему покорному слугѣ пришлось тогда играть роль «примиренца» въ томъ безпощадномъ боѣ, который вели Ленинъ и Плехановъ противъ тов. Троцкаго, воевавшаго тогда съ крайностями большевизма и вмѣсть съ меньшевиками выступавшаго также и противъ Плеханова. Безпощадность, которую я отмѣчаю, и есть одна изъ тѣхъ особенностей Плеханова—а въ политической борьбѣ сентиментальный быть не приходится,—которая такъ роднитъ его съ Ленинымъ и которая такъ возмущаетъ новоявленныхъ друзей Плеханова въ его старомъ ученикѣ.

Тов. Луначарскій указалъ на внезапность, съ которой измѣнялось отношеніе Плеханова къ некоторымъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи Плехановъ напоминаетъ Бѣлинскаго, который могъ сть неумолимымъ фанатизмомъ терзать въ своихъ яркихъ полемическихъ статьяхъ противниковъ за то самое, что онъ еще самъ наканунѣ защищалъ въ такихъ же яркихъ статьяхъ. Поэтому я и говорю, что будущему историку легко будетъ отмѣтить близкое родство Плеханова съ Ленинымъ какъ въ духовномъ строѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ особенностей и пріемовъ, которые характерны для пос-

льдняго. Но есть, товарищи, и разница, которая объясняется темъ обстоятельствомъ, что Георгий Валентиновичъ Плехановъ вышелъ изъ рядовъ поколѣнія, неразрывно связанныаго со всѣми традиціями русской революціонной интелигенціи. Эту связь старые соціалъ-демократы чувствуютъ глубже, сильнѣе и intimнѣе, чѣмъ соціалъ-демократы болѣе молодого поколѣнія и чѣмъ это, къ сожалѣнію, чувствуютъ теперь. Я не говорю о присутствующихъ рабочихъ, собравшихся почтить память Плеханова, я говорю объ огромной массѣ рабочихъ, которая именно потому, что она была втянута въ движение сравнительно недавно, не знаетъ всѣхъ тѣхъ нитей, которыми связывается русское рабочее движение, которое привело къ 17 октября 1905 г., къ 27 февраля и 25 октября 1917 г., всѣхъ тѣхъ нитей, которыми это рабочее движение было связано съ движениемъ русской революціонной интеллигенціи, со всѣмъ историческимъ развитиемъ русской общественной мысли.

Энгельсъ разъ замѣтилъ: „Нѣмецкій рабочій классъ гордится темъ, что онъ происходит не только отъ великихъ соціалистовъ-утопистовъ, но что онъ происходит также и отъ великихъ нѣмецкихъ философовъ, отъ Канта и Гегеля“. Онъ этимъ хотѣлъ подчеркнуть, что нѣмецкое рабочее движение не есть только движение рабочаго класса, оторванное отъ общей культурной почвы, отъ исторіи культурнаго развитія Германіи, но, наоборотъ, въ лицѣ Маркса, Энгельса, Лассалля, тѣсно связано и объяснимо вполнѣ только въ связи съ исторіей нѣмецкой интеллигенціи.

И вотъ мнѣ вспоминается картина, которая на меня, молодаго, еще мальчика, произвела большое впечатлѣніе, когда на международномъ конгрессѣ 1889 года 80 нѣмецкихъ делегатовъ, во главѣ съ Бебелемъ и Либкнхтомъ, совершили паломничество на Монмартрское кладбище, гдѣ погребены Берне и Гейне, два нѣмецкихъ еврея, не соціалисты, но буржуазные демократы, которые сдѣлали такъ много для духовнаго освобожденія Германіи, которые сдѣлали такъ много для подготовленія той атмосферы, той почвы, на которой развивалось освободительное рабочее движение.

И я думаю, что если сегодня рабочий классъ не могъ и не долженъ былъ ити подъ знаменемъ «Единство», подъ знаменемъ тѣхъ, которые еще въ юль, въ августъ и сентябрь обливали по-моями рабочимъ движеніе и преслѣдовали его клеветой, то мы должны вспомнить, что на томъ же Волковомъ кладбищѣ похоронены Бѣлинский и Добролюбовъ, и что есть долгъ, который долженъ выполнить русский рабочий классъ—наследникъ всѣхъ традицій русской революціонной интеллигенціи—это возложить вѣночъ на могилу Плеханова, Бѣлинского и Добролюбова, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ (апплюдисменты), и, такимъ образомъ, подчеркнуть, что въ русскомъ рабочемъ движении не умираютъ славныя традиціи русского революціонного движения и что въ немъ всегда будетъ сохраняться память его первоучителей—Бѣлинского, Добролюбова, Чернышевскаго и Плеханова (Апплюдисменты).
